

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
"Анапская централизованная библиотечная система"

«Я пел на троне добродетель...»

Отношение Пушкина
к Императорам
Дома Романовых - одна
из самых
сложных и наименее
изученных страниц
пушкинской
биографии.

Первой из августейших
особ, оставивших след в
его душе и в его поэзии,
был не Император, а
Императрица.

A. Pushkin

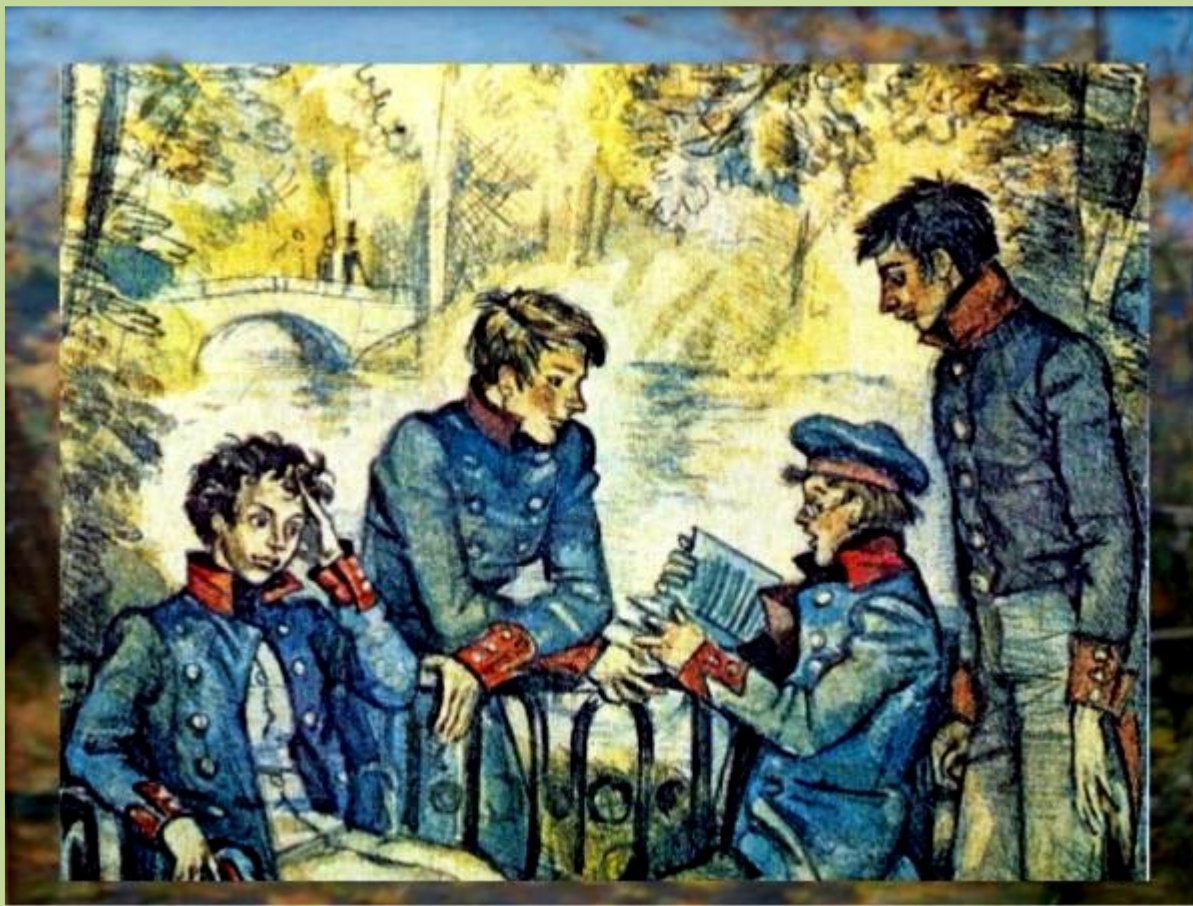

Предполагают,
что тайной музой
поэта была супруга
Александра I -
императрица
Елизавета
Алексеевна,
которую по праву
считали самой
красивой
женщиной
русского двора.

Впервые поэт увидел ее 19 октября 1811 года на открытии Царскосельского лицея.

После той осени Елизавета посетила лицей еще несколько раз. Лицеисты вспоминали, что встречи с императрицей носили больше неформальный характер.

С тех пор долгое время в лицее отмечались день рождения Елизаветы Алексеевны и ее именины. В эти дни занятия отменялись, а лицеисты писали в честь императрицы стихи, ставили спектакли, устраивали торжества.

Пушкин с 12 с половиной до 18 лет находился безвыездно в Царском селе. Именно в это время им созданы произведения лицейской любовной лирики, признанной шедеврами поэзии.

В дневнике Пушкина от 29 ноября 1815 есть запись, посвященная возвращению императрицы из Вены в Царское Село: *"Поутру я мучился ожиданьем, с неописанным волненьем стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу - ее не видно было! - наконец, я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с ней на лестнице, сладкая минута!.. ...Как она мила была! Как черное платье пристало к милой Бакуниной! Но я не видел ее 18 часов - ах! Какое положенье, какая мука. Но я был счастлив 5 минут"*.

Но не юная Катенька Бакунина - причина счастья поэта - доказательство: в слове "она" отчетливо виден вензель "Е", вписанный в строчную "а". ЕА - это Елизавета Алексеевна.

И как раз она была в черном платье в знак траура по мужу сестры - принцу Брауншвейгскому. Пушкин зашифровал имя возлюбленной, прекрасно зная, во что может вылиться любовь лицеиста к императрице.

Е. П. Бакунина рис. А.С. Пушкина

Невысказанные мысли и тайные чувства, захватившие душу Пушкина, он поверял своим запискам и стихам: в декабре 1818 года на рукописи "Руслана и Людмилы" поэт рисует античный профиль, а затем, как бы опомнившись, заслоняет его лицом юной девушки, в которой исследователи узнают Бакунину.

Не трудно сличить портрет Елизаветы Алексеевны Якова Орта с этим пушкинским наброском идеального лица.

И - стихотворный эскиз на этом же листе:

*"Как сладостно!..но, боги, как опасно
Тебе внимать, твой видеть милый взор!..
Забуду ли улыбку. Взор прекрасный
И огненный, волшебный разговор!
Волшебница, зачем тебя я видел -
Узнав тебя, блаженство я познал -
И счастье своё возненавидел".*

Пушин в своих записках писал, что 19 октября 1811 года, "когда все общество собралось, и министр пригласил Государя", юного Пушкина поразило неожиданное - император появился в паре... с матерью Марией Федоровной, давно узурпировавшей на торжественных выходах место Елизаветы Алексеевны.»

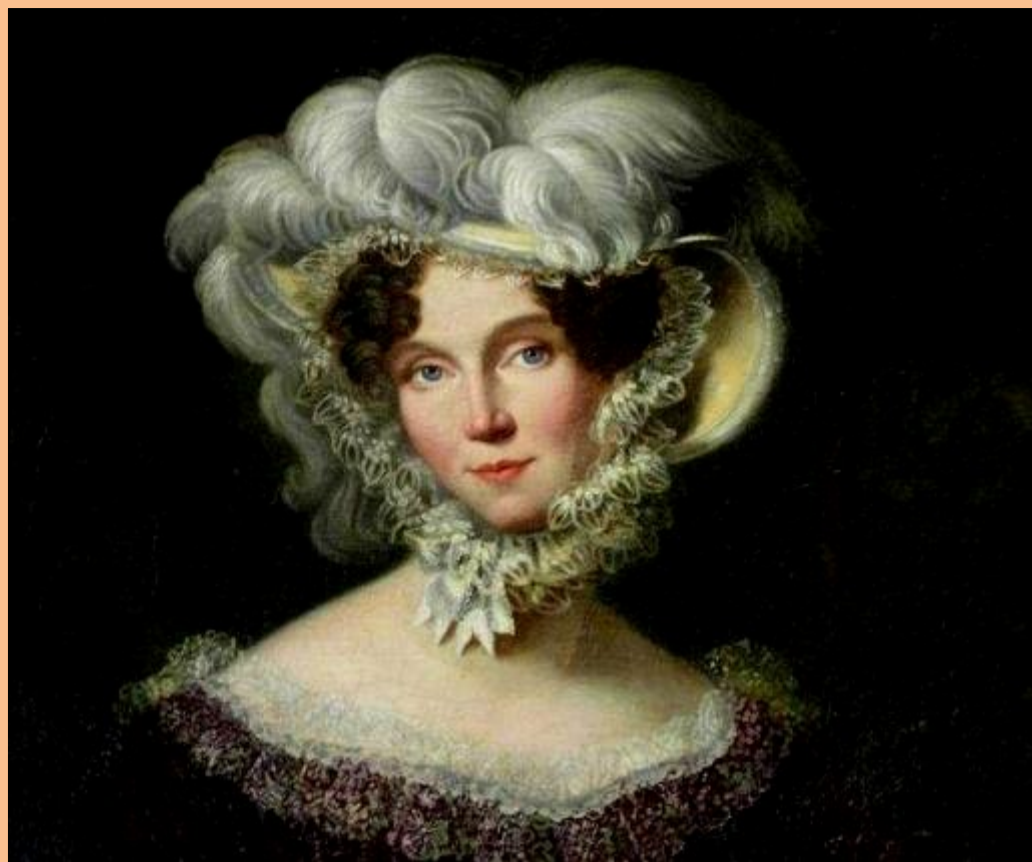
Отделенная
дистанцией от
первой пары и от тех,
кто шел за нею, в
полном одиночестве
неторопливо
приближалась к
рядам лицеистов
Елизавета
Алексеевна.

"Все тихо, просто
было" в этой
красавице.

И это было
"чудное мгновенье".

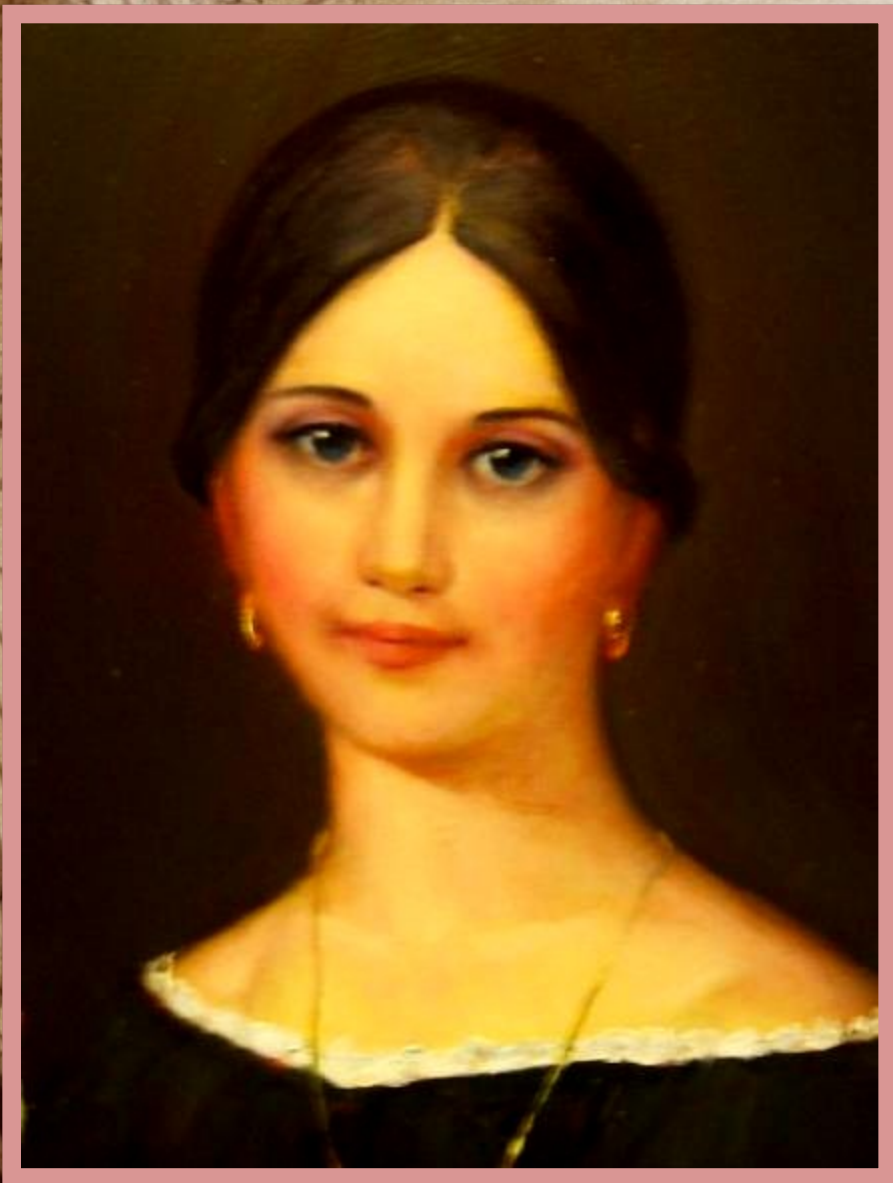
К тому, что эти
строки посвящены
именно забытой
императрице,
склоняются
современные
исследователи
творчества
Пушкина.

В "итенерариях" (маршрутах следования) Елизаветы Алексеевны из Петербурга в Таганрог, выполненных пушкинистом Кирой Викторовой, говорится о том, что Елизавета Алексеевна со свитой останавливалась в пути в том числе в Псковской губернии - почти рядом с Михайловским, где в это время поэт находился в ссылке.

Пушкин приготовил ей
неразрезанные листы
"Евгения Онегина", и
вложил "Я помню
чудное мгновение".

По ошибке этот экземпляр "Онегина" достался Анне Керн, оставшейся в Тригорском.

Керн это описала: Пушкин подарил ей рукопись первой главы "Онегина", а из нее вылетел листок бумаги с чудным стихотворением.

Керн прочитала его, и
спросила, не ей ли оно
написано?

Пушкин был зол и
грубо схватил Анну
Петровну за руку, пытаясь
отобрать листок.

Керн скорее всего
честна в своих записках, и
из них не следует, что
стихи предназначены ей.

Л. Краваль,
исследуя рисунки
Пушкина, приходит к
выводу, что есть
основания говорить о
тайной любви поэта к
императрице.

Краваль обратила внимание на явное сходство известного портрета еще юной Елизаветы Алексеевны (гравюра Турнера с портрета Монье), где императрица изображена возле зеркала перед вазой цветов, и описания пушкинской Людмилы в поэме "Руслан и Людмила":

*Увы, ни камни ожерелья,
Ни сарафан, ни перлов ряд,
Ни песни лести и веселья
Ее души не веселят;
Напрасно зеркало рисует
Ее красы, ее наряд;
Потупя неподвижный
взгляд,
Она молчит, она тоскует.*

Почти все дневниковые записки Пушкину пришлось впоследствии сжечь.

Стихотворения сохранились и с их помощью возможно приблизиться к пониманию того, как дело обстояло в действительности.

Осенью 1830 года Пушкин вспомнил некую таинственную даму, в описании которой употребил самые высокие и благородные выражения: «величавая кена», «строгая краса её чела», «очи светлые, как небеса».

Вспомнил в стихотворении,
которое принято считать
загадочным:

*В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было
много;*

*Неровная и резвая семья.
Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.
Толпою нашей окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.
Её чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.*

.....

*Меня смущала строгая краса
Её чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса...*

Это воспоминание
обращено к ранним
лицейским годам жизни
поэта.
Характерная для поздней
лирики Пушкина
метафора дает понять,
кто была «величавая
жена», хранившая надзор
над школой.

Патронировать
Императорский
Царскосельский лицей
могла в то время только
одна женщина - супруга
основателя Лицея
Александра I, Елизавета
Алексеевна.

Над
стихотворением
невидимо, но почти
физически ощутимо
витают тень великого
итальянского поэта
Данте Алигьери.
Поэтический образ
«смиренной»,
«величавой жены»,
восходит к
дантовскому описанию
Беатриче.

Стихотворение написано терцинами (довольно редкими в русской поэзии XIX века), сама форма которых как будто вобрала в себя возвышенное чувство любви и поклонения, которое питал Данте к Беатриче. В этом – главный смысл стихотворения.

На одном из своих рисунков Пушкин изобразил себя в образе Данте. Данте, как и Пушкин, был изгнанником, его, как и Данте, привлекала тема преисподней. Пушкин не раз к ней обращался и даже переложил дантовскими терцинами два эпизода из «Ада».

Но было в поэзии Данте
нечто, что не мог дать
Пушкину никто из поэтов.

Это образ поразительной
по духовной силе, образ
высочайшей «небесной»
любви, любви вечной и
беззаветной.

Любви, которой во всей
мировой поэзии удостоилась
лишь одна женщина -

Беатриче
ди Портинари.

Вероятно, первым стихотворением, связанным с Елизаветой Алексеевной, были «Стансы», написанные по-французски в 1814 году.

Здесь поэт повторяет все правила галантной французской поэзии, начиная с анакреонтических мотивов и заканчивая образом розы.

На каждом из стихотворений, посвященных Елизавете, лежит отблеск средних веков - это образ влюбленного рыцаря, восторженного пажа или ученика средневековой школы и символика розы, как символа возвышенной любви.

Пушкин был замечен
Императрицей, которая
через свою фрейлину
Н.Я. Плюскову дала
понять Пушкину, что
хотела бы, что бы он
посвятил ей
стихотворение.

И Пушкин написал строки, в которых прямо и открыто признается в исключительном отношении к Императрице:

*На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь учася славить
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден Царей забавить
Стыдливой Музою моею,
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновенный, Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С её приветливой красой...*

Этому стихотворению
было суждено сыграть
важную, возможно,
решающую роль в судьбе
Пушкина.

Получив стихотворение, Императрица через Карамзина поблагодарила поэта и передала ему обязательный в подобных случаях подарок. Вполне вероятно, что это было кольцо. Но благодарность Императрицы оказалась гораздо более глубокой и весомой.

В начале 1820 года над головой Пушкина начали сгущаться тучи - его разгульный образ жизни, религиозное и политическое вольномыслие, бесчисленные эпиграммы вызвали к нему стойкое отрицательное отношение Императора Александра Павловича.

Гром прогремел, когда
Императору была
доложено ода
«Вольность», где поэт
открыто говорит о самой
запретной в то время
теме - убийстве
Императора Павла.
Пушкина вызвали к
военному генерал-
губернатору столицы
М.А. Милорадовичу, было
дано указание
произвести обыск на
квартире поэта.

Пушкина ждала Сибирь - соответствующее распоряжение уже было подготовлено, однако, всё внезапно изменилось.

Здесь в официальных биографиях Пушкина возникает неясность – биографы туманно говорят о друзьях поэта, якобы ходатайствовавших перед царем о его участии.

В действительности, ходатайствовал один Карамзин, но и он обратился не к Царю, а к Царице.

Судя по
результату,
заступничество
Императрицы было
очень энергичным.
Заставить
Императора укротить
свой гнев настолько,
что он вместо ссылки
в Сибирь или на
Соловки отправил
Пушкина в порядке
перевода по службе в
цветущую
Бессарабию могла
только она.

Ни один из тех, кого в связи с этим называют, - Гнедич, Чаадаев, Тургенев - просто не могли этого сделать: они не имели доступа к Царю, да и вряд ли решились завести разговор на столь щекотливую тему.

Единственным исключением был граф Милорадович : ему Император поручил допросить Пушкина и его доклад охарактеризовал поэта как человека открытого и благородного. Это могло способствовать тому, что Александр I прислушался к заступничеству императрицы.

Пушкин отлично знал,
кому он обязан
спасением.

В его отношении к
Елизавете возник новый
импульс - та, которую он
боготворил, смело и
открыто защитила его,
вмешалась в его судьбу.

А. С. ПУШКИН
СЦЕНЫ ИЗ РЫЦАРСКИХ
ВРЕМЕН

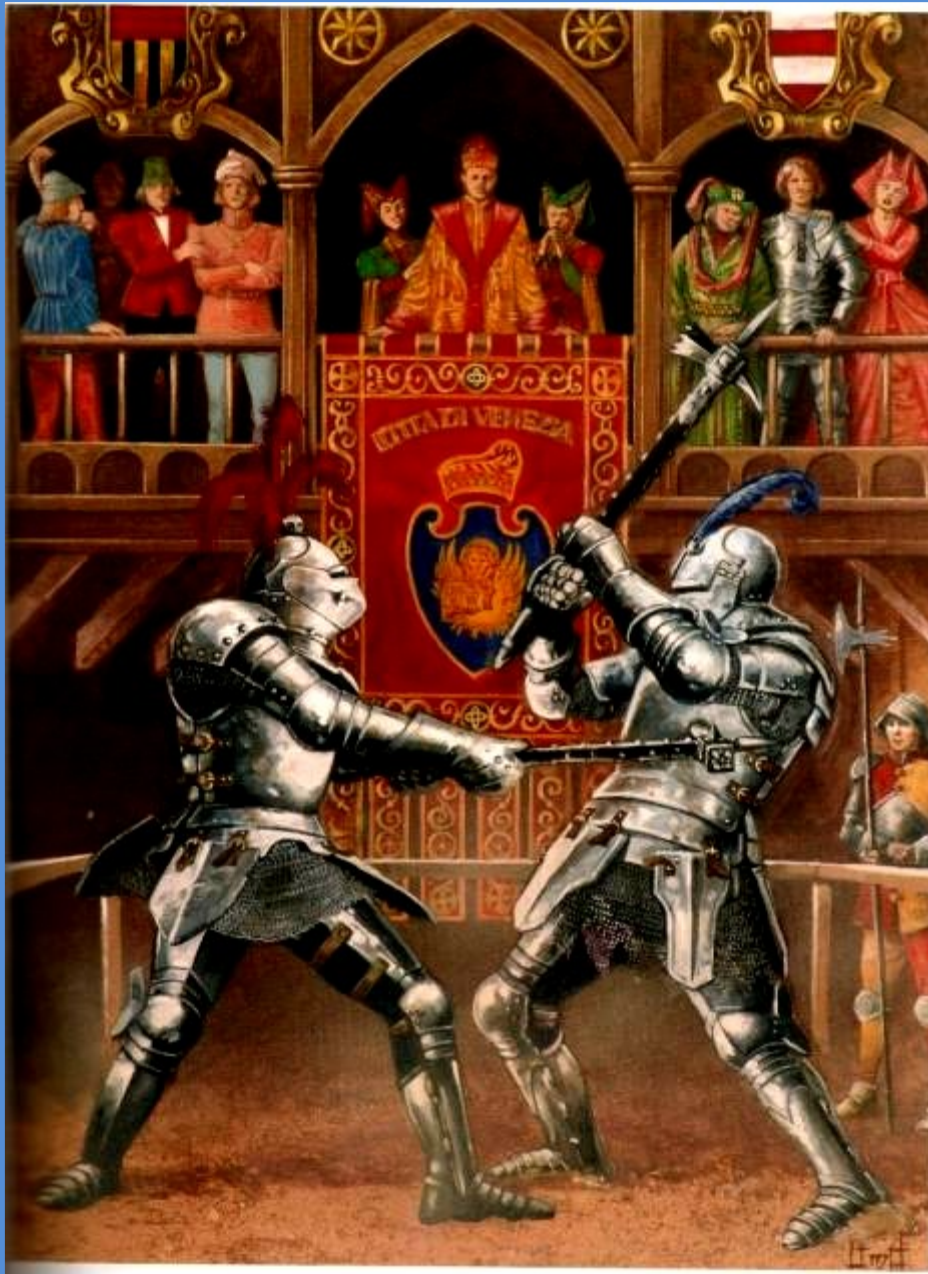

Мысли и чувства, которые испытал Пушкин лучше всего переданы в написанной им много лет спустя заключительной «Сцене из рыцарских времен», где речь идет о заступничестве Клотильды за Франца.

Песню, которую поет Франц в этом произведении,
Пушкин написал раньше.
Это стихотворение о чистой любви и священной розе:

*Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.
Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.
Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
А.М.Д. своею кровью
Начертал он на щите.
И в пустынях Палестины,
Между тем как по скалам
Мчались в битву паладины,
Именуя громко дам,
«Lumen coelum, Santa Rosa!» -
Воскликнул он дик и рьян...*

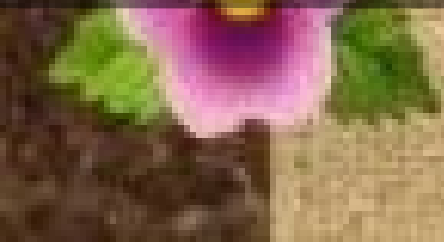

Эти строфы написаны примерно за год до стихотворений «В начале жизни...» и «Паж или пятнадцатый год».

Эти три стихотворения объединяет средневековый колорит и стилизация под средневековые поэтические формы, во всех трех речь идет о возвышенной любви.

Причем паж влюблен в земную женщину,
мальчик из школы - в
«величавую жену», в описании
которой проглядывают
неземные черты, а бедный
рыцарь - уже в Мадонну.

Сопоставление этих трех стихотворений наводит на мысль, что Пушкин искал такие поэтические формы и такую лирическую ситуацию, которая позволила бы ему с предельной полнотой выразить чувство неосуществимой любви, нравственную потребность в непоколебимой преданности и служении даме своего сердца.

Легенду о бедном рыцаре Пушкин завершает строфами, иронически передающими события перед его высылкой из Петербурга – то есть обвинения (во многом ложные) в прегрешениях перед Царем и заступничество Императрицы:

*Он-де Богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.
Но Пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в Царство вечно
Паладина своего.*

В «Сценах из рыцарских времен» эти строфы опущены, поскольку тема любви главного героя к недоступной для него по своему положению даме составляет одну из центральных сюжетных линий произведения.

Такое предположение впервые высказал в 1936 году С.М. Бонди, понявший аллегорический смысл обоих произведений:

«Под видом романа о рыцаре, безнадежно влюбленном в Богородицу, он (Франц) рассказывает о своей любви к недоступной для него по своему высокому положению Клотильде. Роман поется ожидающим виселицы Францем перед лицом той, из-за которой он и вступил на путь, приведший его к гибели. Вступившись за Франца и избавив его от виселицы, Клотильда, должно быть, поняла аллегорию, заключенную в песне».

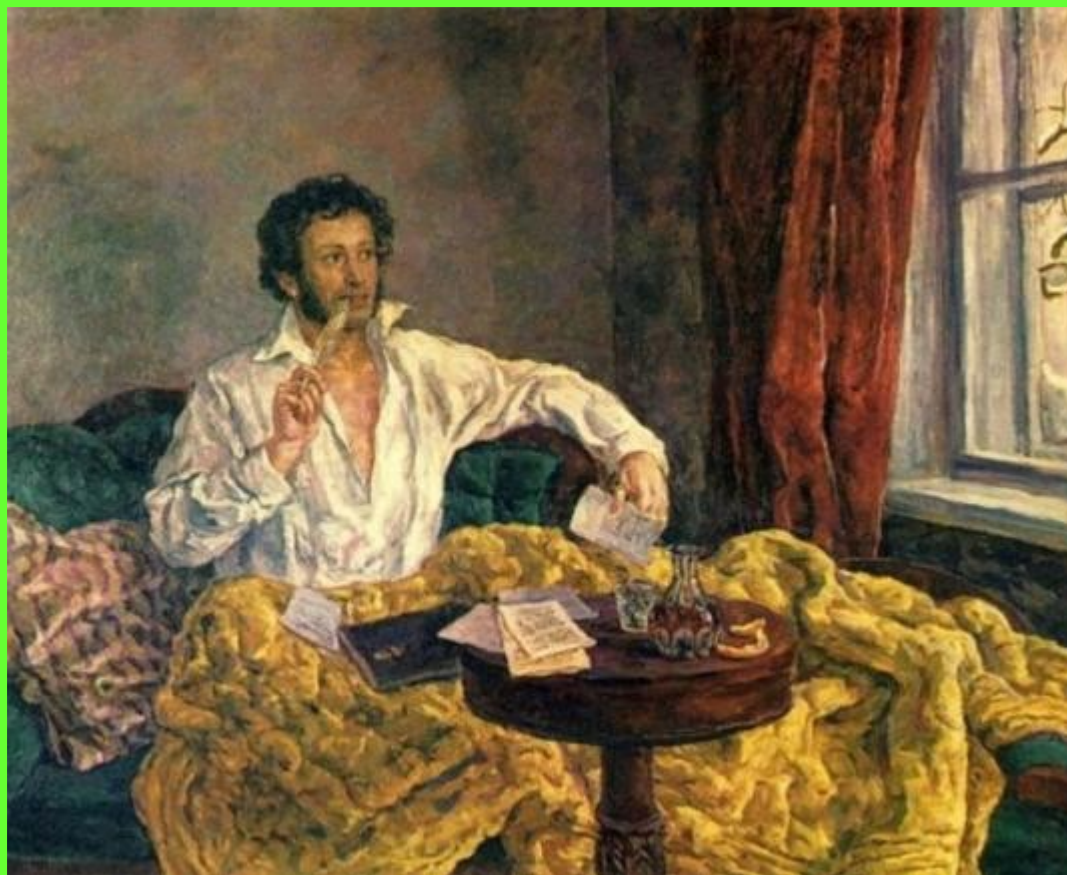
Заступничество
Елизаветы стало
переломным моментом в
отношении Пушкина к
Императрице.

Участие, которое она
приняла в его судьбе,
оживило в душе Пушкина
чувства, которые в свете
петербургской жизни,
возможно, стали уже
тускнеть.

Недосягаемая
Императрица в
какой-то мере
спустилась для
него с неба на
землю.

Своим
заступничеством
она как бы
ответила на его
возвышенную
любовь и тем
самым стала
ближе,
человечнее,
осязаемее.

Поэтический отклик последовал незамедлительно - в элегии «Погасло дневное светило...» звучит вполне земной мотив любовной тоски по той, в кого герой был безнадежно влюблен на далекой родине.

В 1825 году, готовя к печати свой первый поэтический сборник, Пушкин решил посвятить его Императрице. Сделал он это с присущим ему изяществом: на титульном листе сборника попросил изобразить Психею, склонившуюся над цветком. Это был хорошо продуманный знак внимания к Елизавете Алексеевне - Психеей в узком кругу называли Императрицу.

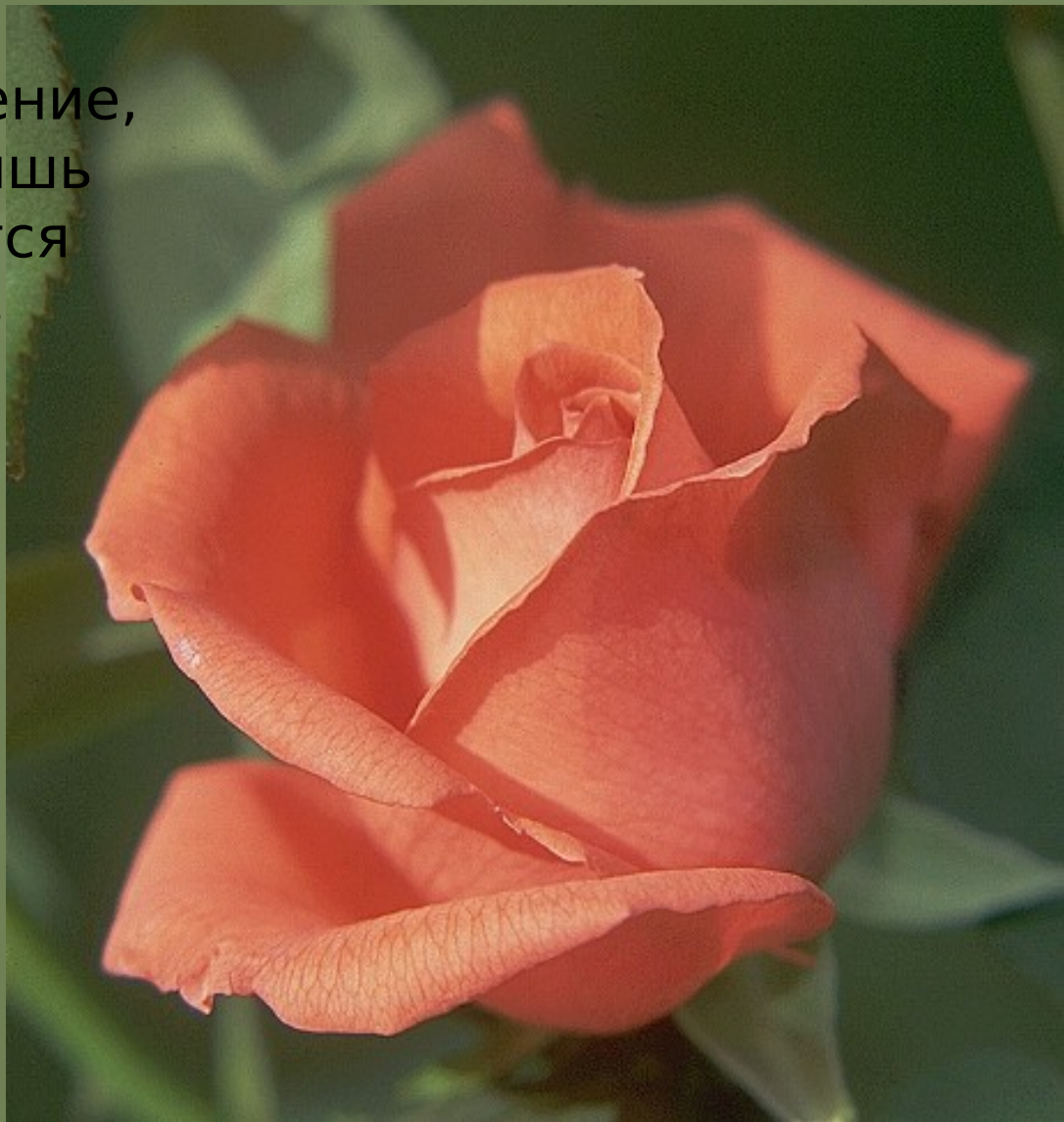
В ночь на 4 мая 1826 года на пути из Таганрога в Москву в небольшом городке Белёве Императрица скончалась. Это было не единственным скорбным событием 1826 года - не прошло и двух месяцев, как Пушкин узнал о казни декабристов, и о смерти его «земной» возлюбленной Амалии Ризнич.

Поэтические отклики
появились
незамедлительно: Пушкин
пишет стихотворение
памяти Ризнич «Под небом
голубым»,
завершает XXVI строфу
шестой песни «Евгения
Онегина», где отдает дань
памяти Кондратию
Рылееву.

В этом контексте
существует предположение,
что стихотворение «Лишь
розы увядают» является
откликом на смерть
Императрицы:

*Лишь розы увядают,
Амврозией дыша,
В Элизий улетает
Их легкая душа
И там, где воды сонны
Забвение несут,
Их тени благовонны
Над Летою цветут.*

1 мая 1829 года Пушкин отправился из Москвы на Кавказ. В "Путешествии в Арзрум" он писал, что сделал большой крюк в двадцать верст, поехав на Калугу, Белев и Орел.

В Белеве было похоронено сердце Елизаветы Алексеевны. Пушкин проезжал через этот город как раз в печальную годовщину.

Может быть, он изменил маршрут не только для того, чтобы встретиться с генералом Ермоловым, но и для того, чтобы отдать дань памяти той, которую он когда-то "втайне пел"?

Пушкин пережил опальную императрицу на одиннадцать лет. Он так и не узнал, вспоминала ли о нем перед смертью одна из самых прекрасных женщин в российской истории. Женщина, которой суждено было стать таинственной музой великого русского поэта.

Смерть в какой-то мере уравнила в сознании Пушкина любовь небесную и земную. Вспоминая одну из них, он не мог не думать о другой.

В этом смысле воспоминание об Императрице присутствует во всех его поэтических обращениях к «милой тени».

Особенно это относится к
стихотворению «Прощание»:

*В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать...*

«Прощание» написано Болдинской осенью 1830 года, этим стихотворением поэт как бы давал обет не возвращаться даже в сердце своем к тем, кого он любил прежде.

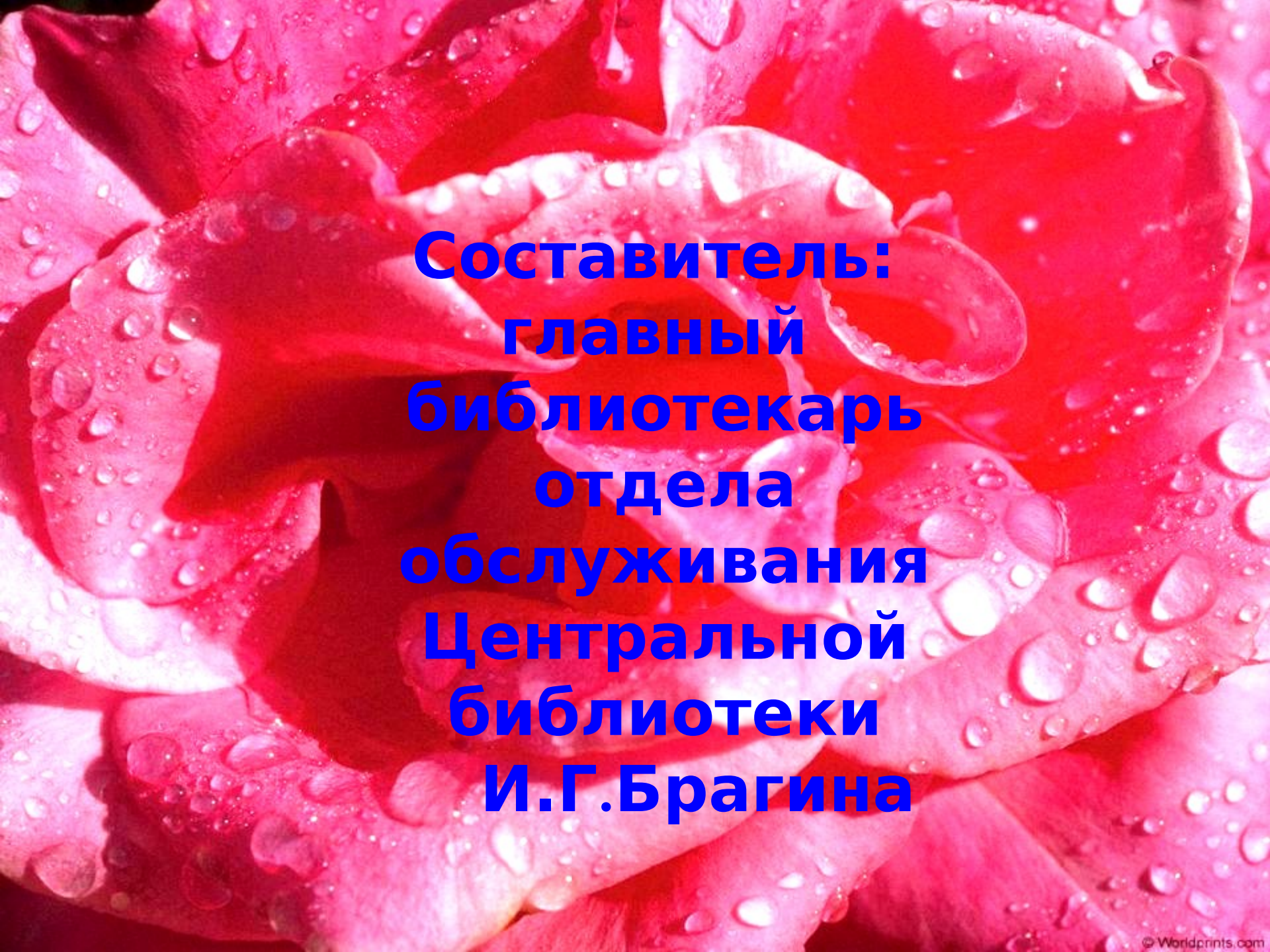
Стихотворение тончайшей нитью
связано и с песней о бедном
рыцаре, посвятившем свою любовь
небесной Мадонне, и со
стихотворением «Мадонна», где
эта небесная любовь переносится
теперь на образ невесты.

Пушкин был верен
своему обету: после
женитьбы на
Н.Н. Гончаровой
стихотворения,
посвященные
Елизавете Алексеевне,
больше не появлялись.

**Составитель:
главный
библиотекарь
отдела
обслуживания
Центральной
библиотеки
И.Г.Брагина**